
Стефан Шовье

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ С КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ¹

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2010 г.

Аннотация

Мировые рейтинги университетов оказывают сегодня определяющее воздействие на академическую политику государств. Между тем они оценивают лишь отдельные университеты, а не качество высшего образования в той или иной стране в целом. Кроме того, они ранжируют университеты главным образом на основании их исследовательской деятельности, и по преимуществу в естественных науках. Поскольку эти рейтинги предоставляют лишь частичную информацию о национальных академических системах, выдвигается задача разработать альтернативные инструменты их оценки и сопоставления. Таковым является анализируемый в данной статье индекс академического развития, разработанный профессором Аланом Рено (университет Париж IV Сорбонна).

Ключевые слова: индекс академического развития, человеческий потенциал, национальная академическая политика, международное разделение академического труда.

В течение последних десяти лет мы наблюдаем увеличение числа международных классификаций университетов. Наиболее известен Шанхайский рейтинг, разработанный университетом Цзяотун. Эти классификации играют решающую роль в формировании университетской политики многих стран: явно или неявно одна из основных целей этой политики состоит в увеличении национальных достижений в мировом хит-параде университетов.

Всем международным классификациям университетов свойственны две значимые характеристики. Во-первых, они ранжируют университеты, полностью абстрагируясь от природы и состояния национальной университетской системы в целом. Таким образом, в принципе, тот или иной университет вполне может оказаться лидером в международном рейтинге, при том что все

¹ Stéphane Chauvier. Le développement académique du point de vue cosmopolitique. Доклад на круглом столе «Современный университет: между фактами и нормами», организованном факультетом философии ГУ–ВШЭ в рамках франко-русской конференции, прошедшей в ГУ–ВШЭ в октябре 2010 г. (пер. с фр. А. Ястребцевой).

остальные университеты той же страны имеют вполне средние показатели развития. Во-вторых, эти рейтинги оценивают университеты на основании определенных параметров: а) больший вес при оценивании имеют достижения в исследованиях, чем в обучении; б) преимущество отдается исследованиям в области естественных наук перед работами в сфере права, языков или гуманитарных дисциплин, поскольку Нобелевский комитет и индексы цитирования главным образом отслеживают именно сектор наук о природе.

Эти классификации создают неоднозначные и порой в незначительной степени искаженные представления о состоянии академических систем в разных странах. Знание того, что в какой-то стране определенный университет является своего рода питомником нобелевских лауреатов по физике, не дает нам достаточной информации о других университетах этой страны, как и о состоянии исследований и уровне образования в других областях знания. Осознание ограниченности рейтингов как источников информации о системе высшего образования в той или иной стране, возможно, приведет к отказу от выработки международных классификаций или хотя бы к уменьшению их политической значимости, и во всяком случае целесообразно было бы создать более адекватные и значимые инструменты оценки и сопоставлений.

Один из проектов альтернативных классификаций — проект международного сравнения, инициированный Аланом Рено в рамках Европейской обсерватории университетской политики (университет Париж IV Сорбонна) и основанный на разработке индекса академического развития.

Вначале я бы хотел пояснить, что понимается под идеей академического развития и что учитывает индекс академического развития, затем я проанализирую трудности, которые встречаются на пути сравнения национальных академических систем, при этом буду исходить из того, что академическое знание является мировым общественным благом.

1. Развитие и результативность

Что отличает подходы к академическим системам в терминах развития и результативности? Что отличает индекс развития от индекса результативности?

Одно из значений слова «развитие» предполагает возможность трактовать его как степень собственного развития университета или сети университетов, т. е. индекс академического развития есть лишь вариант значимых на данный момент индексов результативности. Когда говорят о более или менее развитой технике, подразумевают, что она более или менее совершенна и эффективна, то же самое можно сказать и об академической системе.

Очевидно, что концепт развития, фигурирующий в самом понятии индекса академического развития, не является формальным или абстрактным, иначе он был бы применим к любым видам

реальности, как только эти реальности оказались бы в той или иной степени результативными. Когда речь заходит о человеческом развитии или об обществе, делающем возможным хотя бы слабую степень человеческого развития, то используется именно концепт развития.

Принятие такой специфической трактовки концепта развития неизбежно влечет за собой специфический способ оценки академических систем. Когда говорят об измерении, то речь идет не столько об оценке эффективности академических систем, сколько о потенциале человеческого развития, который эти системы представляют для всех тех, кто может извлечь выгоду из их функционирования.

Проведем аналогию. Существует точка зрения, что «Астон Мартин» является автомобилем в высшей степени совершенным, и потому он занял бы одну из лидирующих позиций в Шанхайском рейтинге автомобилей. Но если оценить его с позиций многочисленных требований, которые выдвинут пользователи автомобилей, то возможно, что вопреки своему совершенству «Астон Мартин» отстанет от многоцелевых автомобилей, бóльших по размеру, более прочных, в меньшей степени загрязняющих окружающую среду и т. д., например от «Рено Канго», у которого оценки окажутся выше, чем у «Астон Мартина DB9».

Эта аналогия, конечно, отнюдь не совершенна, однако она позволяет понять различие в оценке системы с точки зрения ее внутренних норм функционирования и с точки зрения потенциала развития, который она демонстрирует пользователям системы.

Разработка индекса академического развития предполагает анализ академической системы с точки зрения ее внутренней организации, с позиций ее результативности или эффективности ее различных элементов. Наряду с этим анализу должно быть подвергнуто сообщество людей, которым академическая система предоставляет возможности для развития. Таким образом, речь идет о возможности:

- личного развития студентов, которых эта система формирует;
- экономического развития компаний, которые обеспечат этих студентов работой и которые получают прибыль от новых знаний, произведенных системой;
- интеллектуального и нравственного развития национально-политического сообщества в целом в соответствии с общим качеством социальной культуры, формированию которой также способствует академическая система.

Короче говоря, разработка индекса академического развития подразумевает оценку академической системы с точки зрения совокупности ее потенциальных отношений с обществом и его членами, что предполагает необходимость принять во внимание множество различных параметров, а не только результативность исследований или производство системой новых знаний.

2. Многомерная структура индекса академического развития

Не имея возможности вдаваться в детали, проанализируем схематично, каким образом индекс академического развития мог бы быть создан.

Такого рода индекс должен быть синтетическим. Он должен учитывать в равной степени широкую совокупность базовых составляющих параметров, как это имеет место в случае с индексом человеческого развития (ИЧР), разработанным Программой развития ООН (ПРООН), или индексом развития города, также созданным под эгидой ООН на основе множества индикаторов, связанных с урбанизацией².

Для разработки индекса академического развития прежде всего необходимо определить те аспекты академической системы, которые этот индекс будет учитывать. И здесь важно иметь в виду следующее.

С одной стороны, под академическим развитием можно понимать академическое развитие общества как такового. Оно зависит от того, насколько велико число его членов, проходящих через академическую систему, и насколько длительно эффективное время, проведенное ими в данной системе. Для измерения этого показателя в национальных масштабах можно прибегнуть к уже существующим базовым индикаторам, широко используемым в исследованиях ЮНЕСКО, — это процент обучающихся в университете по возрастам, число студентов, зарегистрированных в национальной академической системе, среднее время обучения в университетах, число выпускаемых докторантов в год по отдельным дисциплинам и т. д.

С другой стороны, под академическим развитием необходимо также понимать развитие самой академической системы, точнее, потенциал развития, который эта система представляет для общества, поскольку общество может обладать высокой способностью к академическому развитию населения, но иметь незначительную и слабо развивающуюся систему. С этой точки зрения измерение потенциала развития академической системы предполагает принятие к рассмотрению множества аспектов, среди которых на сегодняшний день есть малоизученные или не изученные вовсе. Наряду с результативностью исследований при оценке системы необходимо также определить:

— качество предоставляемого образования, ибо академическая система есть не только средство производства, но и способ передачи уже приобретенных знаний;

— то, насколько система способствует социальному продвижению студентов, поскольку система, при которой дипломированные специалисты оказываются безработными или занимаются малоквалифицированным трудом, не может быть оценена как развивающая;

² <http://www.cityindicators.org/>

— роль системы, пусть даже опосредованную, в экономическом развитии страны, которую можно определить путем выявления той части внутреннего производства страны, которую использует экономика, основанная на знаниях;

— вклад академической системы в развитие национальной общественной культуры, который косвенно можно измерить путем определения уровня образования и способов рекрутирования административных кадров и политической элиты страны, а также на основании наличия в академических курсах таких специфических форм подготовки, как «свободное» образование в области конституционного права или в политических науках.

Все это очень схематично и в большинстве затронутых аспектов прагматично. Но сказанного уже достаточно для того, чтобы утверждать, что индекс академического развития должен синтезировать два типа индикаторов: индикаторы степени включения общества в национальную академическую систему и индикаторы внутреннего качества системы, потенциала развития, который она предоставляет пользователям. Индекс академического развития должен не только синтезировать эти два измерения, но главным образом уравнивать их таким образом, чтобы постоянные положительные результаты в одном из этих двух видов измерений не вели к снижению значимости посредственных результатов в другом.

Основанное на таком индексе академического развития международное сравнение академических систем могло бы предоставить более детальную и политически более релевантную информацию о них, чем простая классификация результатов университетских исследований, поскольку внедрение этого индекса требует принять во внимание всю совокупность функций и конечных целей академических систем.

Если исходить из того, что мы разобрались со смыслом и признали продуктивность концепта академического развития, противопоставленного простому понятию научной результативности, то перед нами встает следующий вопрос: имеет ли на самом деле смысл измерение национального академического развития? И не является ли понятие «развитие», понимаемое как «человеческое развитие», доводом в пользу космополитической перспективы изучения академического развития?

Как уже было сказано, современные мировые классификации ранжируют различные университеты мира. Но они не сравнивают страны. Эти классификации рассматривают мир как единую систему, в которой университеты конкурируют друг с другом.

Переход от классификации университетов к классификации академических систем делает необходимым учет национальных особенностей. Предстоит оценить потенциал академического развития, заложенный во французской, русской, китайской и других системах.

3. Национальные блага как объект космополитического интереса и отчасти интернациональные блага

Однако необходимость учитывать национальный контекст влечет за собой две трудности, связанные с тем, что академическая система не является исключительно национальным благом, она, по крайней мере отчасти, предстает в качестве 1) блага как объекта космополитического интереса и 2) космополитического блага.

Теперь я хотел бы остановиться на трудности определения соотношения между академическим национализмом и космополитизмом.

3.1. Национальные блага

Прежде всего, в каком смысле академическая система является системой национальной?

- Она является таковой в силу своего географического расположения.
- Она является таковой, поскольку частично или полностью финансируется из средств налогоплательщиков.
- Она является таковой потому, что функционирует в рамках национальных законов и постановлений, несмотря на существование устойчивой тенденции к международной гармонизации этих документов, особенно тех, что касаются дипломов и ученых степеней.
- Она является таковой, поскольку знание, которое она производит и транслирует, сформулировано на национальном языке.
- Она такова потому, что представляет или может представлять национальную специфику, связанную с ее собственной историей и национальной социальной историей.
- Наконец, можно также считать, что академическая система является национальной, поскольку ее основными участниками являются студенты — граждане соответствующего государства и поскольку преподавательский состав, который обеспечивает ее функционирование, в большей своей части состоит из представителей той же нации.

Существуют, конечно, и другие черты академических систем, позволяющие говорить об их национальном характере. Однако уже названных достаточно для того, чтобы определить национальные академические системы как вид национального блага.

Наряду с этими чертами национальных академических систем, позволяющими отделять одну академическую систему от другой и выявлять потенциал академического развития разных стран, существуют другие характеристики, которые ставят под сомнение однозначность рассмотрения академической системы, пусть даже полностью финансируемой за счет налогоплательщиков данного государства, исключительно в качестве национального блага. Являясь национальным благом, академическая система предстает также в качестве объекта космополитического интереса и отчасти может быть определена как космополитическое благо.

В каком смысле академическая система как национальное благо представляет собой объект космополитического интереса?

Она становится таковым тогда, когда начинает рассматриваться как потенциал человеческого развития. Так, академическое развитие является благом с космополитической точки зрения, иначе говоря, благом, которое интересует в равной степени всех людей, какими бы ни были культурные различия между ними. Рассмотрим несколько примеров благ, которые безусловно относятся к этому типу. Здоровье, продовольственная безопасность, начальное образование — все это есть блага с космополитической точки зрения, поскольку они представляют собой блага не только для жителей той или иной страны, но и для всего человечества, а также потому что ценность этих благ не связана с той или иной национальной культурой.

Академическое развитие также принадлежит к такому типу благ. Характерная особенность космополитических благ состоит в их насущной необходимости. Можно понять, когда то или иное общество в кризисные периоды сосредоточивает свои силы на обеспечении населения продовольствием в большей степени, чем на обеспечении себя потенциалом академического развития. Но даже если академическое развитие не является благом первой необходимости, оно обладает определенной ценностью и для наиболее бедных стран, поскольку условием выхода из бедности является возникновение хотя бы небольшой прослойки хорошо образованных людей.

Именно в этом смысле академическая система является национальным благом, представляющим космополитический интерес. Она является национальным благом на основании тех причин, которые я только что рассмотрел, а представляет собой объект космополитического интереса, поскольку является общечеловеческим благом.

Итак, нужно различать благо, составляющее объект космополитического интереса, в котором заинтересованы все люди, вне зависимости от культурных различий между ними, и благо, которое может быть использовано в космополитических масштабах.

То, что было выше сказано об академических системах, а именно, что они являются национальным благом в космополитическом смысле, можно сказать и в отношении систем здравоохранения. Они тоже являются национальными, ибо финансируются государством, но в то же время они составляют объект космополитического интереса в том смысле, что все люди желают, чтобы им соответствующие блага были предоставлены. Вместе с тем системы здравоохранения, будучи благом в космополитическом смысле, не являются национальным благом, которое может быть использовано в космополитических масштабах. Так, люди, которые живут вне Франции, не имеют доступа к французской системе здравоохранения, а пользуются лишь собственной национальной системой.

3.2. Национальные блага как объект космополитического интереса

3.3. Интернациональное использование национальных благ

И даже те, кто хотел бы приехать во Францию и воспользоваться этой системой, не могут легко и свободно это сделать.

Таким образом, между академическими системами и системами здравоохранения, несмотря на то что и те и другие являются объектом космополитического интереса, существует принципиальная разница. В отличие от систем здравоохранения потенциал развития академических систем, как минимум отчасти, может быть использован на интернациональном уровне.

Уточню, что академическая система предназначена для производства знания, передачи уже готового знания студентам в процессе образования и умножения количества имеющегося знания в процессе исследований.

Новое знание, полученное в процессе академического исследования, является объектом космополитического интереса и может быть использовано на интернациональном уровне.

Порой утверждается, что знание не является эксклюзивным благом, т.е. благом, присвоение которого сопровождается возможностью закрыть доступ к нему другим людям. Однако хотя получение права собственности на знание затруднительно, оно не невозможно: можно либо хранить знание в секрете, либо добиться признания своего права на интеллектуальную собственность.

Одна из особенностей знания как блага делает присвоение или исключение его из оборота не невозможными, а нежелательными. Эта особенность состоит в том, что знание является благом, потребление которого носит творческий характер. Таким образом, это благо неисчерпаемо, напротив, его исключительность состоит в том, что его можно рассматривать как саморасширяющееся. Иначе говоря, потребление знания ведет к возможности умножить знание — банально говоря, открыть нечто новое. Чем больше мы знаем, тем больше можем открыть. Чем больше знание потребляется, тем более разнообразным оно становится!

Таким образом, можно рассматривать академические системы как системы, гарантирующие эту аутоэкспансию знания, которая препятствует его присвоению. Академическая система призвана передавать уже готовое знание в процессе обучения и одновременно распространять новые знания в процессе их обнародования. Очевидно, что не все накопленное знание становится достоянием общества, однако обнародование является характерной чертой, внутренне присущей знанию, произведенному академическими системами.

В целях моего исследования из сказанного можно сделать следующий вывод: даже если академическая система является национальной, часть ее потенциала развития, связанная с научными инновациями, возможными в рамках этой академической системы, de facto доступна в глобальном, мировом масштабе. Научные открытия, сделанные в американском университете, могут быть трансформированы в производственные инновации какой-нибудь китайской компанией. Следовательно, потенциал развития,

представленный той или иной национальной системой, не является национальным: в силу общедоступности знания потенциал развития de facto становится космополитическим потенциалом, т. е. потенциалом развития всего человечества.

Знание, распространяемое в процессе образования, является объектом космополитического интереса и частично может быть использовано на международном уровне.

Не оказывается ли, что отныне потенциал развития представлен не столько исследованиями, сколько образованием?

Ясно, что часть обычного функционирования академической системы, состоящая в распространении приобретенного знания посредством образования, не может быть, по очевидным причинам, полностью использована в космополитических масштабах. Так же как французская система здравоохранения не предназначена для того, чтобы обслуживать больных со всей земли, способность национальной академической системы принимать учащихся из-за рубежа весьма ограничена.

Однако надо признать, что структурной особенностью академических систем, в отличие от систем здравоохранения, является их принципиальная открытость для иностранных студентов на различных уровнях. Конечно, основная часть образовательного потенциала национальной академической системы рассчитана на граждан соответствующего государства, но, насколько мне известно, практически не существует систем, структурно закрытых для иностранцев, или, если хотите, закрытых академических государств. Среди характеристик, позволяющих сравнивать друг с другом национальные академические системы, определенно могут и даже должны присутствовать степень и особенно условия их открытости для иностранных студентов. О показателях, которых достигла в этом отношении люксембургская система, в которой более 60% иностранных студентов, безусловно, можно только мечтать. Но существование систем полностью закрытых, так чтобы представленный ими потенциал развития являлся бы исключительно национальным и хотя бы частично не был интернациональным, сегодня представляется невозможным.

Из этой двойной характеристики академических систем — которые являются национальными благами, представляющими космополитический интерес, и отчасти могут быть использованы на международном уровне, — можно сделать вывод, важный для сравнения национальных академических систем: страна может обеспечить себе более высокий уровень академического развития, если она участвует в международном разделении академического труда.

Измерение потенциала развития национальных академических систем должно вести к регистрации важнейших отличий между странами, которые обычно описываются в терминах валового мирового продукта и индекса человеческого развития. Однако

4. Международное разделение академического труда

4.1. Производство знаний и научный мониторинг

неясно, все ли факторы неравенства, выявленные в процессе сравнения, будут одинаково значимыми.

Рассмотрим сначала показатели, которые составляют основу современных оценок результативности, а именно качество и эффективность академических исследований в области естественных наук. Возможно, что для какой-то страны на данном историческом этапе было бы рациональнее обеспечить себя специализированными научными агентствами для решения конкретных актуальных практических задач, чем пытаться создать целые академические институты, которые будут трудиться над созданием конкурентоспособного продукта. С моральной точки зрения эта ситуация напоминает *free-riding*, некооперативную эксплуатацию труда других людей. Но в этом можно увидеть и проявление международного разделения академического труда, если принять во внимание неравное количество ресурсов, которые различные государства могут выделить на свои академические системы и на свой исследовательский потенциал, а также исследовательские традиции той или иной страны.

Таким образом, слабая конкурентоспособность исследовательского потенциала национальной академической системы может быть следствием более или менее вынужденного выбора в пользу заимствования результатов зарубежных исследований, доступных всем благодаря их обнародованию.

4.2. Добровольная экстернализация академического образования

Аналогичные выводы можно сделать и в отношении доступности систем высшего образования для иностранных студентов. Так же как публичность исследований позволяет странам создавать специализированные прикладные институты вместо того чтобы развивать собственный исследовательский потенциал, так и доступность национальных систем высшего образования может привести к экстернализации академического образования.

Ясно, что государство не может принять решение отказаться от создания собственной академической системы на основании того, что его граждане имеют возможность получить образование в соседних странах, в одностороннем порядке. К тому же значение академической системы в жизни государства выходит далеко за рамки экономических отношений и не может быть оценено лишь с точки зрения экономической рациональности. Академическая система, так или иначе, способствует формированию культуры данного социума и обеспечивает потенциал для развития личности студентов.

Но если выбор в пользу полного отказа от формирования национальной системы академического образования не может быть признан рациональным и разумным, то экстернализация того или иного сектора образования вполне может оказаться оправданной. Возможно, для той или иной страны выгоднее и эффективнее готовить своих медиков и инженеров в другой стране, где эти сферы

образования высокоразвиты, вместо того чтобы выделять средства на создание национальных научных школ в этих областях.

Здесь мы сталкиваемся с той же трудностью, с которой встречались ранее в связи с оценкой исследовательского потенциала национальных систем. Сравнение стран на основании их потенциалов академического развития абсолютно релевантно и значимо, если академическое развитие рассматривать по аналогии с продовольственной безопасностью и обеспечением здоровья нации, иначе говоря, если каждая страна создает для себя эффективную и постоянно развивающуюся академическую систему, чтобы предоставить своему населению потенциал академического развития. Но как только национальные системы оказываются открытыми, те или иные неравенства уже могут рассматриваться не как недостатки, а как более или менее согласованные формы интеграции в систему международного разделения академического труда.

Резюмируя, я хотел бы еще раз подчеркнуть две мысли, которые раскрыл в ходе своего выступления.

Я утверждал, что университетская политика выиграла бы от объяснения ее в терминах национального академического развития по сравнению с рассмотрением в терминах научной результативности. Цель рациональной университетской политики должна состоять скорее в академическом развитии общества, чем в создании на международной арене впечатления об элитарности некоторых образовательных учреждений.

Затем я утверждал, что нерационально и экономически неэффективно стремиться создать на национальном уровне целостную академическую систему, соответствующую высокому индексу национального академического развития, тогда как страна может войти в качестве составляющей в то, что я назвал международным разделением академического труда, и использовать в промышленности результаты исследований, проведенных в других странах, а также посылать часть своих студентов учиться за рубежом.

Объединение этих двух тезисов поднимает очевидную этическую проблему, которую я вкратце также сформулировал: это проблема *free-riding*. Представим себе мир, состоящий из двух стран — А и В. Страна А сосредоточивает серьезные ресурсы на развитии научных исследований и открывает двери своих учебных заведений для учащихся из страны В. Страна В не стремится осуществлять большие инвестиции в собственное академическое развитие на основании того, что она может воспользоваться усилиями, предпринятыми в этом направлении в стране А. Здесь очевидна серьезная моральная проблема. Сомнительно, что такая ситуация сохранится надолго: страна А, если только она не будет руководствоваться исключительно соображениями гуманизма и альтруизма, прекратит эксплуатацию своих ресурсов со стороны страны В и ограничит распространение результатов своих

5. Заключение

исследований, равно как и доступность своих образовательных учреждений.

Из этого маленького мысленного эксперимента следуют два вывода. Первый состоит в том, что международное разделение академического труда может быть длительным и стабильным только на началах взаимности или как минимум при условии стремления к такой взаимности. В критической ситуации страна, конечно, может в конкретный исторический период замедлить собственное академическое развитие и пользоваться иностранными академическими системами, но это положение не может сохраняться длительное время.

Второй вывод состоит в том, что космополитическое измерение академического развития усложняет, но в то же время обогащает политическую задачу: нужно учитывать не только различные измерения академического развития, но и национальные академические приоритеты в контексте международного разделения академического труда. Возможно, для той или иной страны было бы рациональнее создать широкую сеть университетов среднего уровня научной результативности, чем истощать ресурсы ради развития учреждений с высоким уровнем научной отдачи.

Таким образом, как и в других сферах человеческого развития, при создании национальных академических систем необходимо добиваться равновесия между национальной ответственностью и космополитическим сознанием. Международное разделение академического труда может стать одной из форм сотрудничества наций в глобальном производстве и распределении знания, только если оно не предполагает free-riders и если каждая страна рассматривает собственное академическое развитие в соответствии с материальными и духовными потребностями своего населения как свой вклад в международное сотрудничество в производстве мирового общественного блага, каковым является знание.